

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛИЗМА ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ

В начале статьи необходимо дать определение политики регионализма, так как в современной политологии существует несколько подходов к определению данного понятия.

Мы придерживаемся подхода, который представляет собой синтез различных теорий и наиболее популярен в настоящее время у скандинавских исследователей. Его представляют финский географ А. Пааси, норвежский историк О. Стокке, шведский политолог Х. Каррил¹ и др. Суть этого подхода заключается в том, что определенные климатические условия, географическая близость являются причиной, по которой политические деятели начинают рассматривать потенциальные возможности какой-либо территории как региона. Таким образом, регион как географическое объединение существует *a priori*, а как политическое объединение, имеющее свои институты власти, — *a posteriori*. Этот подход основывается на региональной институциональной модели, которую предлагает в своих работах А. Пааси, ставшей, с нашей точки зрения, основополагающей для развития методологии исследования регионализма в 90-х гг. XX в. Модель основана на четырех хронологических фазах начиная с XIX в.:

1. Фаза принятия регионального пространства, т.е. развитие идеи специфической региональной области.
2. Фаза развития концептуальной формы, т.е. предоставления этой области нового имени или напоминания старого.
3. Развитие формальных институтов в регионе, нацеленных на сохранение идентичности.
4. Основание региона как части региональной системы или регионально-самосознания общества, другими словами, регион — конечный продукт системы регионов.

Помимо этого, А. Пааси дает определение региона, которое, по мнению К. Гернер (американского политолога), является хорошей основой для изучения регионов в Центральной Европе в «Советскую эру»²: «Регионы — это не “организмы”, которые развиваются и эволюционируют как биологические особи <...> они должны исследоваться в комплексе моделей, процессов и политических отношений <...> только через создание институтов

власти территориальные объединения становятся регионами и получают имя. Имя является наиболее значимым символом региона, оно несет на себе отпечаток исторического развития, великих событий и идентичности, присутствовавшей в регионе в предшествующие эпохи»³.

Итак, существующая область, имеющая определенные границы, называется регионом *a priori*, но, по мнению А. Пааси, мы можем называть ее регионом лишь после образования политического института *a posteriori*. Например, мы можем говорить о регионе Баренцева моря, который существовал и до создания Баренцева совета как географическая область со своей идентичностью, но политическим регионом он стал лишь в начале 1990-х гг., когда появляются институты власти и сотрудничество осуществляется не стихийно, а на основе взаимовыгодных договоров.

Именно в годы «холодной войны» появляются первые попытки к объединению Норвегии и Швеции на основе региона, т.е. возникает политика регионализма в их внешнеполитическом курсе.

Почему мы считаем, что попытки создания Северного оборонительного союза (в конце 1940-х гг.), появление Северного Совета (в 1950-х гг.) и другие подобные события на севере Европы являются регионализмом. Возвращаться к определению понятия мы не будем. Однако отметим (учитывая, что регионализм является политикой, направленной на трансграничные связи, одна из главных целей которой — сохранение культурной идентичности), что вышеупомянутое сотрудничество характеризуется всеми вышеперечисленными признаками.

Учитывая определенные географические и политические аспекты, мы можем называть Norden, или территорию северных стран (т.е. Норвегию, Швецию и Данию), регионом, который основывается на общих ценностях и традициях в религии, лингвистике, социальных и политических связях.

Однако почему мы говорим о том, что регионализм возникает после Второй мировой войны? Разве в XIX в. не существовало подобных связей, или, предположим, Северные страны не считали себя отдельной общностью в Европе?

Северные страны и в XIX в. считали себя общностью, и даже были широко распространены идеи скандинавизма, направленные против панславизма и пангерманизма. Но, во-первых, исследования по терминологии и возникновению феномена «регионализма» появляются лишь после Второй мировой войны, т.е. регионализм со всеми его атрибутами — явление новое. Чтобы доказать это, кратко коснемся предшествующих исторических событий.

В средние века Норвегия, Швеция находились под властью Дании (данное объединение называлось Кальмарской Унией (1397–1520 гг.), в действительности данный союз выполнял оборонительную функцию против Ганзейского.

Данную унию назвать региональным сотрудничеством мы не можем, так как это было объединение трех стран под одним сувереном. Последующие три столетия регион был разделен на два соперничающих государства — Швецию и Данию — вплоть до эпохи наполеоновских войн, после которых возникла шведско-норвежская уния, просуществовавшая до 1905 г. После этого и до окончания Второй мировой войны Швеция и Норвегия не вступали ни в какие организации на региональном уровне. Таким образом, лишь во второй половине XX в. регионализм появляется и как продукт новой политической обстановки, и как следствие печального опыта Второй мировой войны, и как возрождение идеи нордизма, или скандинавизма.

Для того чтобы понять все сложности и возможности для реализации политики регионализма в период «холодной войны», необходимо коснуться проблемы, характеризующей международную обстановку и условия, в которых оказываются северные страны после неудачи создания Северного оборонительного союза.

Основные черты, определяющие сотрудничество северных стран, проявляются в сферах безопасности и экономики.

Внешняя политика Норвегии соответствовала коллективной политике безопасности НАТО. Основные принципы норвежской политики были высказаны министром иностранных дел Х. Ланге в его речи к Норвежской рабочей партии 19 февраля 1949 г.: «Правительство пришло к заключению, что Советский Союз не предпримет никаких шагов, которые привели бы к новой мировой войне, против нас или другой страны <...> но, <...> мы верим, что солидарность со странами великой демократии Запада при присоединении к договору даст нам <...> тот уровень безопасности, который возможно достичь в этом несовершенном мире»⁴.

Нужно отметить, что в этот период Норвегия оценивает свое отношение к НАТО именно с позиции безопасности, т.е. охраны ее интересов. Можно выделить основные черты ее оборонной стратегии:

- политическая независимость;
- максимально непровокационное поведение;
- сдерживающая позиция.

Например, в самом начале норвежской деятельности в НАТО, 1 февраля 1949 г., в официальной ноте норвежского правительства СССР заверялось, что не будет позволено расположение войск иностранного государства на норвежской земле⁵.

Шведская политика безопасности, в свою очередь, может быть определена как политика «вооруженного нейтралитета». С одной стороны, она отличается от норвежской, так как Швеция не примкнула ни к одному из противо-

стоящих блоков, с другой — наблюдается много общего в позициях Швеции и стран НАТО: Швеция придерживается проамериканской позиции во внешней политике, прикрывая ее якобы «заботой» о финском суверенитете.

Особенности нейтралитета Швеции могут быть охарактеризованы через следующие правительственные заявления: «нейтралитет <...> не требует подтверждения права ее граждан участвовать в обсуждении международных вопросов, или демократии, или свободы. В общем нейтралитет относится к условиям военного времени. Когда говорится о суверенитете в мирное время, подразумевается, что государство будет воздерживаться от конфликтов в военное <...> но оно не обязуется вовлекать себя в любые альянсы <...> так как это делает нейтралитет невозможным в случае войны»⁶.

В июле 1956 г. Эстен Унден (министр иностранных дел Швеции с 1945 по 1962 гг., член социал-демократической партии) в своей речи, названной «Реализм и идеализм во внешней политике», сказал: «Внешняя политика выбрана <...> чтобы сказать мы “в стороне от добра и зла”»⁷. Но Швеция, придерживаясь нейтральной позиции, не собиралась оставлять свою оборонную промышленность и политику. Она отлично осознавала, что, если конфликты будут происходить на соседних территориях, областью стратегической важности для супердержав станут Балтийские проливы и Скандинавия. И, следовательно, Швеции нужно не только придерживаться политики нейтралитета, но иметь свою армию для ее защиты.

Отметим позитивные и негативные стороны стагнации этого процесса.

К негативным относится то, что поляризация, в частности, то, что две страны «исповедуют» разные линии в их внешней политике, приводит к тому, что Норвегия пытается привлечь внимание американцев во всех сферах ее внешнеполитической деятельности, а Швеция старается во всех вопросах не пересекаться ни с СССР, ни с США.

Но в то же время, находясь в подобной позиции, страны осознают свое «особое» положение, вновь возрождаются идеи нордизма, а главное — появляются и упрочиваются новые направления политики регионализма.

Итак, вопросы безопасности в течение 40 лет после Второй мировой войны остаются относительно постоянной величиной. Однако в экономической сфере с точки зрения регионализации происходят достаточно радикальные изменения.

Рассматривая политику регионализма, мы выделяем четыре основных периода в динамике ее становления (во второй половине XX в.):

1) конец 40-х — начало 50-х гг.: период поствоенной реконструкции экономики, первые достижения в экономическом сотрудничестве, начало переговоров по этому вопросу и окончательное установление биполярной системы;

2) 50-е — начало 60-х гг.: стадия внутреннего роста и экономической модернизации продолжалась, в этот период наибольшим достижением регионализма является создание Северного Совета;

3) 60-е — начало 80-х гг.: либерализация торговли, интеграция в рамках европейского сообщества, участие в нем Швеции и Норвегии, попытки создания собственных региональных институтов;

4) конец 80-х — 90-е гг.: создание региональных институтов и сотрудничества (Баренцев Евро-Арктический регион и Совет государств Балтийского моря)⁸.

Таким образом, Швеция и Норвегия после войны проходят четыре стадии в своей региональной политике относительно экономического взаимодействия. Самые большие изменения в годы «холодной войны» происходят благодаря развитию Европейского Экономического Сообщества. Нужно учитывать тот факт, что 1/5 часть продукции Норвегии и Швеции шла на экспорт, и интеграция в европейское сообщество была необходима.

Но нельзя забывать о том, что огромное влияние на экономическую политику этих стран оказывал вопрос независимости их экономик, что послужило причиной развития северного регионализма: несмотря на то что Норвегия и Швеция принимали активное участие в европейской интеграции, они также уделяли большое внимание объединению внутри региона.

Обсуждение северного сотрудничества имело место в Швеции еще во время Второй мировой войны. Дискуссии в основном относились к сфере безопасности, и некоторые ее участники предлагали создать одно Северное государство⁹. Безусловно, подобные предложения носили утопический характер, и на них повлияли эмоциональные потрясения, вызванные политической дезинтеграцией Севера после Второй мировой войны. Экстремальные формы политического нордизма не получили поддержки в правительстве, однако эти дебаты стали причиной создания благоприятных условий для усиления контактов между северными странами в поствоенное время.

Вопрос о перспективах скандинавского экономического сотрудничества был поднят также норвежцами в июле 1947 г., когда Скандинавские страны собрались для того, чтобы скоординировать позиции перед будущей встречей стран, принявших помощь по плану Маршалла. Они предложили сотрудничество, которое бы включало «координацию инвестиций всех стран»¹⁰ и привлекло бы внимание американцев к созданию их союза. Таким образом, норвежцы пытались вовлечь в процесс переговоров по сотрудничеству внешних партнеров.

В этот период различия в позициях Швеции и Норвегии базируются на неодинаковой оценке правительствами двух стран внутрисударственных нужд.

Эти две различные позиции остаются неизменными до середины 50-х гг. Швеция (а вместе с ней и Дания) была заинтересована в общем рынке, т.е. в создании общего скандинавского тарифа или, по крайней мере, региона свободной торговли. В отличие от них Норвегия преследовала другие интересы.

Во-первых, для Норвегии одним из главных природных ресурсов в то время было электричество, получаемое благодаря горным рекам, но для развития в данной области требовались значительные инвестиции. Поэтому Норвегия пыталась апробировать возможность создания проектов с общими инвестициями. Во-вторых, она была заинтересована в расширении рынка, в форме разделения труда и специализации среди северных стран, что противоречило экономической позиции разделения труда среди внутренних регионов или в промышленности, потому что подобное деление производится через национальные границы¹¹.

Чем объясняются подобные различия по отношению к созданию общего экономического региона?

Здесь нужно не забывать о том, что Норвегия в тот период была беднейшей из трех Скандинавских стран. Только 3 % ее территории были пригодны для земледелия, промышленные ресурсы бедны и разбросаны по всей стране, за исключением водных потоков, призванных генерировать электроэнергию. Индустриализация пришла в Норвегию позднее, чем в другие страны. Более того, во время войны она потеряла половину возможностей в торговле морепродуктами, которые составляли основную часть ее экспорта. Самые северные территории были заброшены и разрушены после Второй мировой войны и требовали немедленной реконструкции¹².

Швеция, напротив, после Второй мировой войны «сменила» Данию на посту экономического лидера в регионе. Такую позицию ей обеспечивали природные ресурсы: залежи железной руды (которые впоследствии помогли поднять на высокий уровень ее производство) и лесная промышленность. К 1950-м гг. Швеция являлась наиболее индустриально развитой страной в Скандинавии¹³.

Описывая уровень экономического развития этих двух стран, следует привести мнение Харвальда Ланге, бывшего члена норвежского правительства, который объяснил, что норвежская инициатива к созданию общего инвестиционного фонда являлась для норвежцев «знаком того, что Швеция могла бы помочь своему слабому брату»¹⁴.

Но не будем забывать о том, что у Швеции и Норвегии в экономике были не только отличия, но и много общего. Например, как уже упоминалось выше, основной статьей дохода в экспортной торговле были природные материалы: лес, железо, рыба и т.д.

Вторая мировая война разрушила прежний европейский порядок и укрепила разделение мира на две соперничающие системы. До войны и сразу после нее понятие «регионализм» еще не вошло в словарь международных отношений. Но, по нашему мнению, именно в эти годы зародилась сама идея этого исторического феномена, чтобы затем, в период «холодной войны», постепенно утвердиться на международной арене, а в последние годы XX в. реализоваться на практике.

После войны обе страны сталкиваются с одинаковыми проблемами, требующими перестройки промышленности¹⁵. Это сходство, как и, в определенной степени, их отличия, приводят к созданию Северного Совета, с точки зрения скандинавских историков, к самому большому достижению в политике регионализма в период «холодной войны».

***

¹ Carrillo J.L.M. Regional Security-building in Europe: The Barents Euro- Arctic Region. Umea: CERUM, 1998; Paasii A. Institutionalisation of Regionalism. Stockholm, 1984; Stokke O.S. Beauty and the beast? Norway, Russia and the northern environment / Lysaker: Fridtjof Nansens Institutt, 1994.

² Gerner K. Regions in the Central Europe under Communism / Regions in Central Europe: Legacy of History / Ed. by S. Tagil. London: Hurst & Company, 1999. P. 179.

³ Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. England: Chichester, 1995. P. 32–33, 35.

⁴ Lange H. Norsk Utenrikspolitikk siden 1945. Oslo, 1952. P. 122.

⁵ Holst J. Norsk Sikkerhetspolitikk i Strategisk Perspektiv. Oslo, 1967. Vol. II. P. 65–67.

⁶ Andren N., Landqvist Å. Svensk Utrikespolitikk etter 1945. Stockholm, 1965. (Документ полностью приводится на стр. 101–102.)

⁷ Documents on Swedish Foreign Policy. 1956. P. 114.

⁸ Miljan T. «The Reluctant Europeans: The Attitudes of the Nordic Countries Towards European Integration». London: C. Hurst & Co. P. 5.

⁹ Andren N. Power Balance and Non-Alignment. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. P. 32.

¹⁰ Nordiska Okonomisk Samarbeid. P. 3.

¹¹ Haskel B. The Scandinavian Opinion. Oslo: Universitetsforlaget, 1976. P. 94.

¹² Aukrust O. Norges ekonomi etter krigen. Norwegian Post-War economy. Oslo: Statistisk Sentralbyrå, 1965. P. 43.

¹³ Somme A. A Geography Of Norden: Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden. Oslo, 1960. P. 13. Groennings S. Scandinavia in Social Science Literature. An English Language Bibliography. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970. P. 1–4.

¹⁴ Lange H. Norges vei til Nato. Oslo: Pax Forlag, 1966. P. 78.

¹⁵ Soresen V. Nordic Cooperation — A Social Democratic Alternative to Europe? // Olesen T.B. Interdependence Versus Integration. Odense University Press, 1995. P. 42–43.